

Дом крестьянина в Опочке (1920-е гг.)

В первые послереволюционные годы во многих городах и наиболее крупных поселках появились учреждения, сочетавшие бытовое обслуживание различных категорий населения, преимущественно крестьян, с просветительской деятельностью. Основным типом их стали Дома крестьянина – как губернские, так и уездные.

В марте 1920 г. ВЦИК предложил всем губисполкомам организовать в крупных городах Дома «с целью дать приезжему крестьянину возможность найти и получить ответ для разрешения их нужд и запросов по местной крестьянской жизни, получить теплый сносный приют во время пребывания в городе и разъяснения по вопросам». Президиум Псковского губисполкома уже 13 мая 1920 г. предложил губземотделу совместно с отделом по работе в деревне губкома РКП(б) «немедленно приступить к открытию в Пскове крестьянского дома». Тогда же инициативу к открытию Домов крестьянина стали проявлять и уезды.

На заседании Опочечкого уисполкома 27 января 1920 г. его председатель Циновский заявил «о необходимости оборудовать в Опочке гостиницу для приезжих, т.к. приезжающим по делам службы, военной и гражданской, негде остановиться на ночлег». И орган власти уезда поручил коммунальному отделу на первых порах «до открытия Дома Крестьянина... оборудовать гостиницу для приезжих в доме горкомхоза и означенную гостиницу взять в свою эксплуатацию».¹ Одновременно начались подготовительные работы и по оборудованию собственно означенного Дома, находившиеся под постоянным контролем уисполкома и укома партии. Как и всякое новое дело, организация сопровождалась немалыми трудностями, прежде всего материальными и финансовыми. Нелегко, например, оказалось подобрать для Дома подходящее помещение. Специальная комиссия по организации Дома крестьянина обследовала ряд строений и пришла к заключению, что «почти единственным пригодным помещением оказалось помещение бывшей конной почтовой станции».

Дело в том, что еще 25 июня 1918 г. Опочечкий уисполком рассмотрел представление начальника почтово-телеграфной конторы «о закрытии Исковой, Опочечкой и Звонской почтовых станций в виду того, что с проведением железной дороги таковые являются совершенно излишними». Уисполком на это констатировал, что станции «кроме убытков никакой существенной пользы не несут», и постановил их упразднить.² Опочечкая станция после закрытия находилась в ведении коммунального отдела и частично использовалась под квартиры. И вот 3 августа 1920 г. комиссия внесла на рассмотрение укома РКП(б) предложение отвести здание для Дома крестьянина. «Ввиду того, что в городе других помещений, кроме помещения бывшей почтовой станции, годного для размещения Дома крестьянина, не имеется, что помещение почтовой станции никем не используется, что ремонт его сделает комитет своими силами», уком партии просил губком РКП(б) и губисполком «о предоставлении помещения бывшей почтовой станции для Дома крестьянина».³ 13 октября 1920 г. уком РКП(б) уже рассматривал вопрос «о приспособлении здания почтовой станции под Дом крестьянина», решив приступить к его ремонту и обязав упродком «отпустить необходимые материалы для оборудования дома». О ходе работ предстояло еженедельно докладывать уисполкому,⁴ который тоже держал вопрос на контроле и в случае необходимости оказывал помощь. Например, уисполком, заслушав 1 февраля 1921 г. заявление о том, что «для Дома крестьянина нет кроватей, которые не сделаны за неимением досок», предложил упродкому «выделить Дому крестьянина доски для изготовления 30 кроватей».⁵

Необходимо было помимо ремонта и приспособления здания решить вопрос и о судьбе проживавших в нем граждан, что порождало порой весьма неожиданные случаи. 7 мая 1921 г., например, укому РКП(б) пришлось рассматривать заявление члена партии Левачева о том, что «заведующий Домом крестьянина выселил их из комнаты, предоставленной с согласия укома, производит порчу имущества Дома крестьянина, режет на дрова барьеры и др.». Уком партии просил исполком «передать Дом крестьянина по назначению в ведение определенного учреждения», а заведующему Домом предложил «во избежание в будущем недоразумений» предоставить заявителю Левачеву «другую комнату впредь до подыскания квартир». Он же указал на недопустимость порчи имущества, «употребления инвентаря на дрова» и рекомендовал «заботиться получением последних».⁶

Уездный Дом крестьянина, похоже, вскоре начал функционировать, т.к. уже 17 ноября 1921 г. уисполком рассмотрел просьбу укома РКП(б) «сделать распоряжение ЕПО о предоставлении в Доме крестьянина 50 обедов и столько же кроватей для делегатов коммунистической конференции» - на три дня за

счет укома.⁷ Однако и после открытия Дому крестьянина не хватало всего самого необходимого: кровати, белья, средств и др. 7 октября 1921 г., когда уком РКП(б) в очередной раз обсуждал вопрос «О ДOME крестьянина», было предложено «Дом крестьянина обратить в гостиницу, с таким расчетом, чтобы номера были за жилищным отделом, а все остальные удобства представить на заботы частного лица». И партийный орган уезда принял это предложение, признав необходимым «передать Дом крестьянина в распоряжение частного лица или общества, на выгодных для уисполкома условиях».⁸ Такое решение стало возможным с переходом к НЭПу, как и другие обстоятельства, предрешившие в конечном счете судьбу Дома. В декабре того же 1921 г. он, как и ряд таких же учреждений в других городах страны, был снят с госснабжения и переведен на хозрасчет, что сделало существование Дома крестьянина невозможным. Поэтому начавшееся благополучно новое дело оказалось недолговечным: «разруха и нищета не позволили эти дома закрепить». На заседании Опочечкого уисполкома 27 апреля 1922 г. прозвучало заявление, что Дом крестьянина не функционирует, а поэтому решено было «помещение передать в ведение горкомхоза, весь инвентарь оставить в ведении уисполкома, каковой распределить между нуждающимися учреждениями».⁹

Но от самой идеи организации Домов крестьянина не отказались, т.к. проблема с устройством и обслуживанием приезжавших в уездный город с повестки дня снята не была. При этом приезжали меньше всего служащие, а преимущественно крестьяне. Возрождавшееся крестьянское хозяйство теснее связывалось с рынком, крестьяне все чаще везли в Опочку излишки сельскохозяйственной продукции, задерживаясь в городе по нескольку дней. Для них остро вставала проблема ночлега, размещения лошадей и грузов. Не последнюю роль сыграл и провозглашенный РКП(б) лозунг «Лицом к деревне»: Дома крестьянина рассматривались в качестве одного из важнейших средств партийного влияния на крестьянство. Но за неимением достаточного количества средств и ресурсов для организации «классического» Дома крестьянина решили ограничиться на первых порах открытием учреждения более скромных размеров и с ограниченным набором услуг, т.е. заезжего дома. Поэтому 5 марта 1923 г. Опочечкий уком РКП(б) обсудил вопрос «Об организации Красного трактира». Выступивший с сообщением т. Григорьев отметил, что «раньше организовывались Дома крестьянина, которые в свое время оправдали себя. Теперь же, с НЭПом, нет в пределах уезда ни одного заезжего двора, где было бы наше влияние. Однако это очень важно, ибо во всех частных домах при скоплении крестьян возникают сплетни, ложные слухи и т.п.». Уком партии по результатам обсуждения признал «необходимость скорейшего открытия «Красного трактира», предложив агитпропотделу укома и кооперативной комиссии «срочно приступить к созданию такого».¹⁰

Через две недели, 23 марта 1923 г. этот вопрос стал предметом обсуждения на заседании уисполкома. Этому предшествовал осмотр возможных зданий, и «самым удобным» для организации «Красного трактира» было признано «помещение бывшей «красной гимназии», требовавшее, правда, ремонта. Его предстояло провести силами нескольких организаций: горкомхоза, «Сельхозпродукта», ЕПО, уэкоо и др.¹¹ Ряд учреждений, однако, пытались от участия в этом важном для уезда деле уклониться, о чем свидетельствует строгое внушение уисполкома, направленное 5 мая 1923 г. в адрес уполномоченного губсоюза: «Рабочая кооперация внесла свой пай без всяких возражений, а Вы поехали в губсоюз и чуть ли не в Москву, и нашли законы, что произвести выдачу хлеба на оборудование «Красного трактира» нельзя. Полагаю, что губсоюз не сократил бы выдачу хлеба и не пошел вразрез с постановлением уисполкома, если бы он знал, какая цель преследуется открытием «Красного трактира», и чем открытие его вызвано, а посему постановление Пленума уисполкома от 23 марта с.г. надлежит выполнить, памятуя, что задачи кооперации не только торговать, но и оказывать свою помощь в проведении культурно-просветительской работы. Внесенный Вами пай впоследствии будет возвращен».¹²

Большинство же уездных организаций посильное участие в оборудовании «Красного трактира» приняли безоговорочно, и 14 мая 1923 г. тот же Григорьев доложил Президиуму уисполкома, что помещение для него «уже оборудовано, теперь только необходимо поставить в нем идейную внутреннюю работу и решить, какое дать ему название». Уисполком решил оборудованный дом назвать «Заезжим домом Красного пахаря», создать при нем «библиотеку сельскохозяйственного уклона», завести регистрацию посетителей, для выдачи им справок по интересующим вопросам установить ежедневное дежурство (с 5 до 10 час. вечера) ответственных работников. Уездным организациям (УЗУ, уфинотделу и упродкому) было предложено передать в распоряжение Дома имевшиеся у них плакаты, а из богадельни в бывшем имении «Пашкино» - граммофон с пластинками. Заведующим Домом «Красного пахаря» уисполком утвердил Кононова, выдвинутого на эту должность укомом партии, а открытие назначил на 25 мая 1923 г.¹³ Своим решением от 1 июня 1923 г. уисполком освободил Дом от патентного сбора, но уже в ноябре того же года тому пришлось несколько потесниться: две комнаты были освобождены для Клуба юных пионеров.¹⁴

Организация «Красного трактира», или «Заезжего дома Красного пахаря», рассматривалась в качестве временной меры, и он являлся своего рода учреждением «переходного» типа к «классическому» Дому крестьянина. Создание такового стало возможным в середине 1920-х гг. Состоявшееся 10 января 1925 г. совещание при Псковском губисполкоме рассмотрело и утвердило «Положение» об организации Дома крестьянина в Пскове, что явилось новым шагом в создании подобного рода учреждений. Дело создания губернского Дома крестьянина, а затем и уездных, ставилось теперь на более солидную основу. Примеру Пскова последовал Опочецкий уисполком, который в сентябре 1925 г. создал комиссию по организации Дома крестьянина и предложил ей в двухнедельный срок подыскать помещение и представить смету на оборудование.¹⁵ Подготовительные работы велись в течение трех месяцев, и 24 декабря 1925 г. уисполком поручил завершить оборудование Дома к 15 февраля 1926 г. Для размещения его он закрепил здание по ул. Зиновьева, д.12, обязав общий отдел переселить к этому времени проживавших в нем жильцов.¹⁶

Открытие Дома крестьянина в Опочке состоялось 20 марта 1926 г., он располагал всем необходимым не только для ночлега, но и для ведения политпросветработы, причем услуги эти постепенно расширялись. Руководил деятельностью Совет Дома крестьянина, состоявший из представителей организаций и учреждений, непосредственно заинтересованных в его работе – уисполкома, УЗУ, политпросвета и др. В пяти комнатах Дома было оборудовано общежитие для приезжих с 33 кроватями и необходимыми постельными принадлежностями (в т. ч. одна комната для женщин), а также комната, где посетители могли устроиться на соломенных матах на полу (на 23 чел.), как имелся и отдельный номер. Соломенные же подушки вскоре были заменены перьевыми. Крестьяне при размещении на ночлег пользовались льготами: плата за одну ночь с предоставлением кровати взималась с них в размере 15 коп. (на матах – 10 коп.), в то время как со служащих сельсоветов – 25 коп., а со всех прочих – 50 коп. Гораздо больше стоили услуги отдельного номера – 1 руб. в сутки. В отдельной комнате была оборудована чайная – столовая, обслуживавшая посетителей с 7 час. утра до 20 час. вечера (кроме рыночных дней), хотя помещение ее было не вполне пригодным, а кухня вообще ютилась в небольшой комнатке. В здании имелись также помещения для кладовых и других хозяйственных надобностей, при Доме имелся двор с площадью для заезда подвод и постоя лошадей. За постой в оборудованном стойле (таковых было 11: 5 под навесом и 6 теплых) взималось в сутки 10 коп., а просто во дворе – 5 коп. Двор освещался электричеством, и всего он мог вместить до 100 лошадей одновременно.

Вся культпросветработа в Доме крестьянина сосредоточивалась в оборудованной при нем библиотеке-читальне, вмещавшей до 70 чел. и открытой с 9 час. утра до 20 час. вечера (кроме дней отдыха). Здесь проводились громкие читки, беседы, лекции, вечера вопросов и ответов, были оборудованы справочный стол и уголки – ленинский, сельскохозяйственный, военный, текущих событий, антирелигиозный, крестьянского займа, был установлен радиоприемник (для которого часто не имелось батарей), здесь же продавалась дешевая литература, канцтовары и лубочные картинки, принималась подписка на газеты. А вот библиотека по количеству литературы была весьма бедной: вначале в ней имелось всего 150 книг (по сельскому хозяйству – 46, общественно-политических – 50, остальные – «прочие»), выписывалось 10 газет и 9 журналов. Для проведения лекций, бесед и консультаций привлекались работники укома РКП(б) и райисполкома, земельных органов, врачи, юристы. Практиковались, хотя и нечасто, экскурсии (например, на электростанцию) и культпоходы в кино.

Некоторые сводные показатели (далеко неполные) работы Опочецкого Дома крестьянина за 1926-1929 гг., выявленные на основе его отчетов, можно представить в виде таблицы:¹⁷

Показатели	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г. (I.X – 1.04)
<i>Предоставлен ночлег:</i>			
- крестьянам	6857	5824	4962
- прочим	2308	1714	1090
- итого	9165	7538	6052
<i>Постой лошадей</i>	1512	1899	

<i>Проведено лекций по разным вопросам/ с охватом (чел.)</i>	8/192	4/220	39/1138
<i>Проведено бесед/ с охватом (чел.)</i>	22/815	33/1655	
<i>Проведено консультаций /устных и письменных</i>	615/1683	441/2752	

Помимо этого, с октября 1928 по апрель 1929 г. в помещении Дома крестьянина было проведено 48 читок (с охватом 1249 чел.), четыре вечера вопросов и ответов (с присутствием 569 чел.) и 112 радиопередач (1194 чел.). Затрудняло работу Дома недостаточное финансирование: он находился на местном бюджете, из которого выделялись средства только на зарплату четырех штатных работников, а все остальные расходы он должен был покрывать за счет собственных доходов – выручки от предоставления общежития, заезжего двора, услуг столовой и др. Поскольку большинство этих услуг были дешевыми, то и выручка оказывалась небольшой. Попыталось было руководство Дома организовать подсобное хозяйство, но оно оказалось нерентабельным.¹⁸

В результате проведенного в 1927 г. «районирования» Опочка перестала быть центром уезда, и Дом крестьянина «со всем имуществом и бюджетом» был передан в ведение Опочецкого райисполкома,¹⁹ став, таким образом, районным. Стали создаваться аналогичные Дома в райцентрах, бывших в свое время центрами волостей Опочецкого уезда – Пушкинских Горах, Красногородске и др., сузив, таким образом, зону обслуживания для Опочецкого Дома крестьянина. Тем не менее, он продолжал существовать, а созданная к тому времени материальная база позволяла Дому крестьянина выполнять свои функции.

Период же со времени открытия (по существу, с третьей попытки) в 1926 г. и до конца 1920-х гг. был в его деятельности наиболее плодотворным, когда Дом крестьянина на деле стал выполнять задачу не только предоставления приюта крестьянам, но и «содействия обслуживанию нужд крестьянского хозяйства в области агрономической, правовой и культурной путем живой связи и непосредственного общения города с деревней». Постепенно за ним в 1930-е гг. закрепилось название «Дом колхозника», а деятельность все больше сводилась к бытовому устройству приезжающих.

Примечания:

¹ Государственный архив Псковской области (ГАПО). ф. Р-590. оп.1. д.511. л.215

² Там же. Д.76. л.44

³ Государственный архив новейшей истории Псковской области (ГАНИПО). Ф.5713. оп.1. д.84. л.84

⁴ Там же. Л.105

⁵ ГАПО. ф.Р-590. оп.1. Д.512. л.27

⁶ ГАНИПО. Ф.5713. оп.1. д.135. л.41

⁷ ГАПО. ф.Р-590. оп.1. д.512. л.146

⁸ ГАНИПО. Ф.5713. оп.1. д.135. л.91

⁹ ГАПО. ф. Р-590. оп.1. Д.1031. л.68

¹⁰ ГАНИПО. Ф.5713. оп.1. д.295. л.14

¹¹ ГАПО. ф. Р-590. оп.1. д.1394. л.32

¹² ГАНИПО. Ф. 5713. оп.1. д.327. л.106

¹³ ГАПО. ф. Р-590. оп.1. д.1394. л.60; ГАНИПО. Ф.5713. оп.1. д.327. л.121; Псковский набат. 1923. 10 июня

¹⁴ ГАПО. ф. Р-590. оп.1. д.1394. л.67; ГАНИПО. Ф.5713. оп.1. д.297. л.104 об.

¹⁵ ГАПО. ф. Р-590. оп.1. д.1540. л.175

¹⁶ Там же. Л.208

¹⁷ ГАПО. ф. Р-324. оп.1. д.89. л.175-176; ГАНИПО. Ф.3. оп.1. д.212. л.25-28; д.462. л.23-26

¹⁸ ГАНИПО. Ф.3. оп.1. д.212. л.26

¹⁹ ГАПО. ф.Р-590. оп.1. д.1917. л.154